

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А77

Серия «Виноваты звезды»
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

А77 **Апреликова, Ольга Сергеевна**
Жуткие снимки / Ольга Апреликова. — Москва: Изда-
тельство АСТ, 2020. — 317, [1] с. (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-121421-0

Братик погиб, мать уехала, а у отца новая семья в другом городе.

Но она сможет выжить одна. Сможет не сойти с ума от тоски по братишке, призрак которого просится жить в ее рисунках.

Выдержит ненависть бабушки, которая не считает ее родной внучкой, и не сломается, узнав, что было скрыто в заколоченных комнатах их квартиры.

Вступит в схватку, когда уцелеть нет никакой надежды, никаких шансов.

Только вера в чудо.

© Ольга Апреликова, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

КОШАЧЬЯ УДАЧА

1

Май был холодный, дождливый. Мерзкий. Мурку знобило. В Большом зале Академии с громадным и, наверно, красивым провалом посередине пахло влажным гипсом. И тухлятиной — это все штукатурка цвета мяса на стенах. И камень — лестница, колонны, фризы и прочие штуки — тошнотного, землистого цвета старых костей. За все месяцы подготовительных она так и не привыкла ко всему этому, по-прежнему чувствуя себя червячком в грудной клетке издохшего великана. Ладно, нытье ни к чему не приведет. Надо рисовать. Она нашла в разбухшей папке чистый лист — даже бумага влажная, что ли? Пальцы замерзли. Все замерзло. Присобачив лист на фанерку (тут много таких заляпанных, поживших фанерок на перилах валялось), откопала в сумке перехваченный резинкой пучок карандашей — половина тупые. Искать ножичек? Пофиг. Всего сорок минут до занятий: в тот раз задали рисунок с этого — иногда казалось, что шевелящегося — пергамского хентая сделать, а она забыла, конечно. Ладно хоть на

алгебре вспомнила, после школы домой не пошла и сюда скорей. Хорошо, что близко. Снаружи дождь... Шорох по стеклянным квадратикам купола... Все серое, свет — серебряный, нежный, как колыбельная... Свет — дрянь! Мало света, ну и что: рисуй, дура! Она уставилась на кусок хнычущего мужика. Или лучше кусок лошади: нога, ребра, брюхо? Или вон тот мужик, спина и задница, а башки нет? Ну, без башки — оно спокойнее...

Осторожно она поднесла серенькое острие к бумаге: вот это первое соприкосновение графита с шероховатой поверхностью самое опасное... ой. Блин, так и знала: карандаш оставил нежный контур Васькиной щеки — ямочка, изгиб и выше, к синей тени виска... Васька мог проявиться в любой миг, везде, стоило только моргнуть: в трещинах на потолке над ее кроватью, в рисунке обоев, в изгибе стволов и веток деревьев, в траектории полета баклана над Невой — да вот только что, в маршрутке: дождевые капли по стеклу поползли чуть вбок и нарисовали дрожащий Васькин профиль — будто он плачет, бедный, плачет опять... А тут щека эта, висок... Пусть пока побудет. Надо искать стерку. Или не надо? Закусив губу, прищурившись, она провела твердую, точную, грязную линию мужского торса, потом — второй бок, посмотрела, куда тянется линия бедра... Дело пошло. Штришочки-черточки. Растушевочка. И мышцу — четче, четче, чтоб дрожала: его ж рвут на куски, этого каменного мужика. Битва жизни. Но взгляд невольно притягивала Васькина щека на краю листа: как бы скорей дорисовать ушко, жесткие белые волосы... тонкую шею... Стоп, дура. Кабана этого древнего давай рисуй.

Мимо проходили, зябко кутаясь, то студенты, то преподавы — никому, к счастью, не было до нее дела. Ну, рисует девчонка с подготовительных — так тут таких полно. От визгливой мелочи с детских курсов до бледных старшекурсников. Вот метров за десять от нее хилый парень приволок аж мольберт выше себя ростом, и на бумаге там у него — будто увеличенная фотка куска этого Пергама. Хилый — он безопасный. На богомола похож... Молчит, сопит, горбится, ничего кроме рисунка не видит... Она посмотрела на свой лист с куском серого мужика: в общем, годно. Но еще полно работы. Ваську только надо убрать, чтоб не отвлекал, бедный, и она быстро, боясь задуматься, стерла его. Васька отомстит, конечно, вылезет — сколько она рисовала и рисовала его, братика ненаглядного, а ему все мало. В папке вон половина рисунков — Васька, Васенька. Отовсюду лезет. Жить хочет. Ладно, вечером нарисуем...

Запах. Вдруг. Запах лимончика и сказки, и еще чего-то... как ясный день, как белые цветы на солнце... Она подняла голову и вслед за ароматом проводила взглядом великолепнейшую златовласую красавицу: рослая, нежная до сияния девушка, уверенная — и ноги от ушей. А грудь... Подрагивает под белым трикотажем, кружавчики просвечивают. Мурка поплотней застегнула джинсовую куртку, чуть поддернула ее вверх, чтоб там, где розовые прыщики под пуш-апом, образовалось побольше объема. Посмотрела вслед красотке — какие ноги! Какая задница — ну, богиня с пьедестала в Летнем саду! А у Мурки и зада-то как такового нет, одни кости — сидеть больно, к шестому уроку изъерзаешься. Вот восемнадцать лет — есть. В марте исполнилось, и

их класс отметил на детской площадке за школой пополнение обоймы совершеннолетних. Пиво дрянь было, правда, но на лучшее денег не набралось. Ребята не обиделись, поржали, попили, подарили дешевую коробочку коротких цветных карандашиков из «Буквоеда» напротив школы и один нарцисс. Мурка чуть не заревела, но удержалась как-то. А других подарков не было. Бабка и знать не знала, наверно — хотя, говорят, это она ее таким дурацким именем наградила — Марта... Отец, понятно, не вспомнил, мать... Да ну ее. Мурка сама себе день рожденья отметила: насчитала монеток — купила пакетик ирисок в желтых фантиках, Васькиных любимых, и сидела тихонько в комнате, рисовала подаренными карандашиками Ваську: как если б он был живой, настоящий, смеялся бы, нарядный, и они отмечали бы ее день рожденья так, как в прошлом году... Стоп. Нельзя.

Ладно, вечером дома надо его в цвете нарисовать. От этого решения сразу стало легче. Ох, ну как все же холодно-то! Она погрела ладошки дыханием, мрачно глядя на уходящую в сумрак громаду Пергамского алтаря, и снова взялась за карандаш.

...Про что это мы только что так хорошо думали? А, про восемнадцать! В смысле, толку-то: восемнадцать есть — а зада нет. То есть зад — как у Васьки, тощий. А не какой должен быть у взрослой, вроде как совершеннолетней девушки. А что поделаешь? Она — такая: мелкая, тощая. Восемнадцать никто не даст.

Она невольно снова посмотрела вслед божественной заднице в дорогих джинсиках-скинни. Лучше б не смотрела: навстречу златовласке спешил крупный, веселый, длинноногий рыжий парень в белой фуфайке,

сиял глазами, зубами, вихрами, бородкой. Светился золотом в этом сером сумраке — как бог. Мурка хотела что-нибудь злобное подумать и про него — но почему-то не вышло. Уж больно он был хорош. Такой тяжеленький, литой, красивый, большой — и видно, что добряк. Или притворяется? Светится, правда светится... Да фиг с ним, надо рисовать... Ой, они целуются... Взгляд рыжего поверх нежных локонов его девушки пролетел мимо колонн и, как горячий мяч в баскетбольную корзину, влетел в Мурку, скользнул сквозь веревочные узлы нервов и выпал в сладкую дыру. Ой. Светло внизу, и мягко отнялись ноги. Сердечко затряслось. Мурка скорей опустила взгляд на бессмысленный рисунок, заскребла грифелем, — ай, блин, да тут уже не надо штриховать; схватилась за стерку — и нечаянно снова посмотрела на рыжего поверх фанерки с криво приклепленным рисунком: ой, нет, он в самом деле светится... Рыжий смотрел спокойно, прямо ей в глаза, что-то шепча на ухо своей красотке. Очень ясно смотрел непонятным взглядом. Заметив Мурку. Запоминая ее. Мимоходом так не смотрят. Жадно, что ли? Зорко? Что ему надо? Мурка спряталась за фанерку: скорей дорисовать, а золотого рыжего — забыть.

2

В пятницу настала такая классная теплая погода, что она, прихватив в буфете пирожок с картошкой, смылась с пятого и шестого уроков и, музыку в уши, промчалась по Кирочной мимо дома, потом по Пестеля мимо Академии, перебежала по мостику Фонтанку и свернула

налево, в Михайловский сад. А то в Летнем глухих углов, где можно спокойно порисовать, толком и нет. И все статуи уже по два-три-четыре раза перерисованы, да и турье ходит, через плечо заглядывает: «Oh, what a cute little artist! A real little angel! What a beautiful drawing! How well you can draw, sweet girl!» Тьфу. Приятней, конечно, когда деловая овца в седых кудерьках сразу спрашивает: «How much is your drawing?»¹ Тогда — польза. Прошлым августом она, снаружи литтл ангел, внутри черная могила — в Летний являлась как на работу: беретик, красная юбочка, белые носочки, эскизник побольше, букет карандашей потолще, улыбочка — а горе поглубже в брыжейки. Бизнес. Но сегодня она хотела не зеленых бумажек, а просто порисовать Ваську, поэтому пошла в Михайловский, в угол к дворцу. Народу в саду было на удивление немного, пахло летом, чирикали мелкие счастливые птички. Нашла в зеленых пространствах свободную лавочку, достала Васькин альбом и сборник егэшечных тестов по русскому — до экзамена две недели. Сделала набросок, решила задания с первого по десятое. Подошли две рыбообразные скандинавы, спросили: «Miss, how to get to the castle of the strangled tsar?»² — объяснила, показала. Подумала о замечательной истории Отечества. По дорожке прыгали растрепанные воробушки, обалдевшие от солнца — ну и что. Ну их. Надо заниматься. Решила тест до конца,

¹ Что за хорошенький маленький художник! Настоящий маленький ангел! Какой прекрасный рисунок! Как хорошо ты умеешь рисовать, милая девочка! Сколько ты хочешь за свой рисунок? (Англ.)

² Мисс, где находится замок задушенного царя? (Англ.)

взялась было за Васеньку — тут московский дрищ в зеленых штанишках, ляжки лягушачьи, подошел, заквакал: «Милааая девочкаа, а гдее тут у вааас Летнийй саад ваащеее?» Проявила стойкость и выдержку, не послала куда следовало бы, а на чистом, кодифицированном русском языке объяснила, показала — и с головой ушла в тест.

К четырем она отсидела задницу, решила пять тестов и нарисовала двух Васек. Постарше — получился нервный, испуганный, жалкий, босиком в драных джинсах: такой, каким он, не зная, доживал свои последние дни, пришибленный, измотанный гадскими гадами, папочкой и мамочкой — все нервы из пацана вымотали, твари. Будто много их там было, нервов-то. Наверно, два крошечных золотых клубочка: вот клубочек — «Мамочка, не расстраивайся!», вот клубочек — «Папочка, не сердись!» Твари. Только о себе думали. Потом повыли, конечно, но после похорон — опять. Даже в сто раз хуже, грызлись и грызлись... Ладно, стоп. Не реветь же тут, на ясном майском солнышке, у датчан и мурманчан на виду.

Васенька помладше который — получился совсем няшечный, глазастый, с мягким детским пузичком, сам весь голенький как яблочко, нежный, с тряпочным зайчиком в руках. Этого кривоватенького зайчика из клетчатой фланели она сама для него сшила, когда ей было, как сейчас ему, двенадцать, — а Ваське только шесть, и он был правда такой: гладенький, ласковый как кутя, тепленький, просил: «Нарисуй мне бегемотика! Собаку нарисуй! Хорошее — нарисуй!»

Куда делся зайчик-то, интересно? Вроде бы она его забирала с собой в бабкину квартиру? Да с такой жадной

как сундук бабкой не то что клетчатого зайчика никогда не отыщешь — собственных кишок не найдешь, если без присмотра оставишь... Ох, а есть-то хочется.

Пирожок в рюкзаке завалился между учебниками и превратился в серый блинчик. Пах он прогорклыми столовскими противнями и школьной тоской, поэтому на обратном пути она скормила его уткам в сверкающей солнцем Лебяжьей канавке, а себе, по всем карманам штанов и рюкзака собрав мелочь, купила эскимо в подвальчике на углу за мостом. Без спешки съела, разглядывая, как над Соляным переулком перед Академией натягивают тросы: опять, наверно, цветные зонтики развешат пестрым ковриком, как в прошлом году. Убого, конечно, но жизнерадостно, как игра клоунов. Ладно, пора.

В темном коридоре возле аудитории, где сегодня занятия по композиции, толклись и трепались знакомые подготовишки, а в стороне — ой! — богиней инкогнито, в белом френчике с серебрушками, стояла, слегка светясь, та златовласая красотка. Пахла лимончиком и весной. Вроде как она смотрела в айфон, тыкала там что-то на экранчике, но Мурке показалось, что мягкий взгляд красотки исподтишка обволок ее неощутимо-теплым облачком и с интересом проводил за высокие двери. Чего это за интересы такие, а? И рыжий парень ее, золотой светящийся крупнячок, где?

Занятие по композиции сегодня не увлекло, хотя она любила возиться с треугольниками и квадратами в условной геометрии плоского пространства листа и выстраивать между ними любовь или войну. А когда о жирном тупом квадрате в центре она нечаянно подумала, что

это — бабка в сундуке, тошно сделалось! Даже голова закружилась. Конечно, ритм рисунка развалился, как разваливалось все, к чему прикасалась бабка. Ужасная судьба. Ни треугольничку, ни кругу жизни не стало. Ух, запереть бы ее навсегда в каком-нибудь ящике, пусть там в своей отраве задохнется!

Блин, труда в рисунке сколько. Порвать, выкинуть и начать все сначала? Лень... А препод, похожий на соломенного шведского козлика, подошел, похвалил за выраженный композиционный центр — знал бы он, что там, в плотно заштрихованном квадрате, мечется и бьется тупой башкой об стенки косматая жирная воючая ведьма в сползших чулках... Как же она прожила, что превратилась в такую жабу? Бесполезная у бабки жизнь. Помрет — всем только легче станет... Кто о ней пожалеет? Точно не Мурка. Отец? Да бабка и его достала... Затошнило — от голода, что ли? Она отпросилась выйти, хотя до перерыва оставалось всего пять минут. Вышла в серое гулкое пространство...

Они, эти белая с золотым-светящимся, сидели напротив двери на колченогих заляпанных табуретках — и вокруг них мерцало облако теплого света. Рыжий уткнулся в планшет, что-то малюя, а златовласка, нежно наклонив головку, греясь в его свете и тепле, внимательно слушала, что он там над экраном бормочет. Оба подняли на нее глаза — ясно, прямо, жадно и весело. Парень поманил рукой, девушка улыбнулась:

— Иди к нам, юный гений.

— Ага, — хмыкнула она. — Бегу.

И прошествовала в туалет в дальнем конце коридора. Пока мыла руки под фыркающей прерывающейся

струйкой, в трещинках старого кафеля над раковиной проступила нежная щека с ушком и прядкой волос, потом бровка, изгиб закрытого века... Мурка быстро провела мокрым пальцем, прочертив в тупой материи мира точный детский профиль: голова Васьки на миг ожила, дрогнула выпуклая ракушечка века... И все исчезло. Трещинки и мокрый след. Вот так всегда... Дура, на что обижаться? Она отошла, посмотрела в окно: май. Вечер. А как будто все еще день... Идти квадратики рисовать?

А эти двое все сидели напротив дверей в композицию. Да что ж им надо? Оба снова подняли головы, улыбнулись. Рыжий поманил рукой, показал пальцем в планшет: иди, мол, что покажу. Ага, щассс. Она уже прошла мимо, уже подняла руку открыть дверь — та с грохотом распахнулась на перерыв, из аудитории с визгом вылетела женского пола костлявая с подпрыгивающими сиськами юная тварь, а за ней прыщавый дурак. Мурка шарахнулась, но мосластый прыщ кувалдой вмазался в нее, снес — ее завертело, и, жалко мявкнув, она впечаталась в стену. Лопатки хрустнули. Поползла вниз. Вышибло слезы.

Но тут взметнулось пространство, большой рыжий теплый скорей отлепил от ее стенки, огладил по лопаткам — и те оказались целые. Но как же больно-то! Рыжий потащил в сторонку, и бледный прыщ крабом убрался у него из-под ног и смылся вдоль стены. Вокруг, бессмысленно гогоча и причитая, толпились сочувствующие кобылы. Отстранив их, рыжий посадил Мурку на табуретку, еще погладил горячими руками по лопаткам, по плечам:

— Все цело? Где больно?

— Норм.— Она, сморгнув слезы, наконец перевела дыхание.— Выживу. Руки уברי.

Он убрал. Зато его златовласая богиня придвинула табуретку, обняла за плечи, окутав нежным запахом лимончика и сказки, заглянула снизу в лицо:

— А мне можно?

Какая ж она была теплая и свежая. И душистая. И тоже — большая. Мурка выпрямилась было, отстраняясь, но лопатки заломило, и она опять съежилась. Тут козликком вывалился преподаватель из аудитории:

— ...Что произошло-то, где травма?

— Да все нормально, Аксей Юрич,— златовласка, покрепче приобняв Мурку, прицельно улыбнулась: — Дети ж придурки, не рассчитал один, снес девочку. Ушиблась немножко, куда её теперь рисовать.

— Да, но может...

— Мы проводим, она тут недалеко на Кирочной живет, мы ее знаем!

Мурка онемела.

— Смотри, Яна! Я на тебя надеюсь! — выдохнул препод и отступил обратно в свет, духоту и гам аудитории.

Через минуту ее рюкзак и сумка с папками оказались у златовласой Яны в руках.

— Идем отсюда,— велел рыжий.— Дитё, ты есть хочешь? Что едят гении?

— Кости талантов,— буркнула она.

— Умная.— Они переглянулись.

— Вы тоже,— огрызнулась она.— Знаете меня, да? На Кирочной живу, да?

— На Кирочной, ага. Мы отследили. Понимаешь, не хотим тебя отпустить,— откровенно улыбнулся

рыжий. — Да не бойся ты. Пойдем, в кафешке посидим, ты ж голодная, как бродячая кошка. И тощая такая же.

— Мы объясним, что нам от тебя надо, — добавила Яна. — Но не здесь же, а то это секрет. Пойдем кушать.

3

Рыжего звали Шведом — фамилия такая. Бывает. Жил он в дорогушем, похожем то ли на крепость, то ли на фабрику новом доме у Невы, отделанном благородными, коричневыми европейскими кирпичами, с какой-то исторической водокачкой во дворе. Его квартира в три комнаты оказалась просторной, налитой светом, как эликсиром счастья, и почти пустой. Сиял белый паркет, везде пахло нежным Янкиным лимончиком. Мурке казалось, что ее пригласили в будущее, в нарядную позитивистскую фантастику, настолько далеко было отсюда до захламленной, пропахшей кошками и капустой бабкиной норы с комнатушками-пеналами. А тут! Простор и внутри, и снаружи! В комнате, которую Швед назвал студией, она замерла у окна: синяя Нева под беспредельным западным небом, набережная изгибом, с зелеными ковриками газонов, с цветной дробью катящихся велосипедистов и роллеров, со сплошным потоком машин; за широкой Невой всякие красивые домики, трубы, купола; а вон — шлем Исаакия, а это — штык Петропавловки... И золотое небо заката над невидимым за горизонтом морем.

— На. — Яна подала тяжелую белую кружку. — Рафчик. Красиво, ага?

— Красиво, — согласилась она, принимая пахучий кофе в обе ладони. — И там нереально нарядно, — она кивнула на синюю Неву, — и тут чистота... И творчество.

Комната была полна всяких фотоштук вроде рефлекторов, у стены — несколько задников разного цвета, а в углу — строй компов с громадными экранами, громадный принтер, стеллаж с фотокейсами, с фотоаппаратами, с объективами в прозрачных коробках, с ворохами фоток в папках и без. Она снова повернулась к закату над Невой и нечаянно сказала:

— Вот бы тут пожить.

— Да живи, — тут же хмыкнул расставляющий серебристые зонтики Швед. — За молоком будешь ходить?

Мурка посмотрела на Яну: та улыбнулась безмятежно. Она не видела в худышке Мурке не то что соперницу, но даже просто самочку примата. А может, ей в этом замке над Невой просто нужна прислуга? Мурка глянула на Шведа:

— Ты шутишь?

— Нет. Ты нам нужна. Очень. Для важных съемок. Лучше, если постоянно будешь под рукой, чем за тобой куда-то ездить. — Швед выпрямился, весь как бог золотой в сиянии заката из окна, и взглянул мягко и серьезно — у Мурки опять вздрогнуло в животе. — Времени не хватает ни на что. У Янки вон диплом, у меня — работа, концепт-арты и проекты по интерактивным средам. Да я, бывает, когда геймленды разрабатываю, по десять часов из-за компов не встаю, пиццу заказать некогда. А тебе что: школа скоро кончится, а ЕГЭ твое... Ну, что ЕГЭ, тебе тут всяко лучше заниматься, чем у бабки.